

Проведен сравнительно-правовой анализ правового регулирования централизованных и децентрализованных сфер контрольно-надзорных отношений. Выявлены существенные отличия, а также дисбаланс в правовом регулировании данных сфер.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), контрольно-надзорные отношения, правовое регулирование, централизованные и децентрализованные сферы.

В национальном контрольно-надзорном пространстве ученые вполне обоснованно выделяют как минимум две регулируемые действующим законодательством сферы: одна достаточно цельная, именуемая централизованной, и вторая, включающая в себя несколько довольно обособленных сфер регулирования контрольно-надзорных отношений, объединенных категорией «децентрализованных сфер»¹. Первая сфера включает в себя общественные отношения, регулируемые Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ)². Круг общественных отношений второй сферы составляют отношения в рамках видов государственного контроля и надзора, исключенных из сферы действия данного закона и поименованных в положениях частей 4–5 статьи 2 Федерального закона № 248-ФЗ. Перечень этих видов государственного контроля и надзора постоянно расширяется. Так, одним из последних дополнений данного перечня стало включение в него государственного контроля за деятельностью иностранных агентов (п. 11.1 части 5 статьи 2 Федерального закона № 248-ФЗ)³.

Безусловно, государственный контроль и надзор в различных сферах общественных отношений обладает определенной спецификой, которая обусловлена особенностями обязательных требований, установленных в соответствующих сферах, и спецификой регулирования, вытекающей в конечном итоге из целей управленческого воздействия в конкретной области общественных отношений, связанной с обеспечением конкретной совокупности охра-

С.А. Агамагомедова

Старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент

няемых законом ценностей. Большая часть видов государственного контроля и надзора, исключенных из сферы действия Федерального закона № 248-ФЗ, обладает обособленностью регулирования (наличием самостоятельного нормативно-правового акта (или их совокупности) для регламентации контрольно-надзорных отношений в соответствующей сфере), спецификой его эволюции и развития, достаточно отграниченным и выверенным временем инструментарием, призванным обеспечивать базовые цели государственного контроля и надзора в соответствующей сфере. Проведенный анализ существующего регулирования в рассматриваемой области позволяет констати-

ровать наличие определенного дисбаланса в регуляции контроля и надзора в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорных отношений, отсутствие сопряжения принципов и приоритетов контроля и надзора. К этому следует добавить непоследовательность (бессистемность) реформирования контрольно-надзорной деятельности, которая, несмотря на всеобъемлющий характер проводимой реформы, в качестве результата имеет определенные диспропорции в степени и характере регуляции контроля и надзора в различных сферах. Попробуем подтвердить данный тезис на основе сравнения нормативно-правового регулирования: 1) в централизованной и децентрализованных сферах (на примере таможенного контроля); 2) в различных децентрализованных сферах (на примере таможенного и налогового контроля). Данные сравнительно-правовые аспекты будут пересекаться и сочетаться в зависимости от критерия, избранного в качестве фактора (условия) для выявления различий в регулировании.

1. Система управления рисками сегодня выступает основой государственного контроля и надзора. Согласно ч. 1 статьи 22 Федерального закона № 248-ФЗ государственный контроль (надзор), муниципальный контроль осуществляются на основе управления рисками причинения вреда (ущерба), определяющего выбор профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий, их содержание (в том числе объем проверяемых обязательных требований), интенсивность и результаты. При этом внедрение управления рисками в систему таможенного контроля произошло значительно раньше, чем данный подход стал внедряться в централизованную сферу государственного контроля и надзора. Соответствующий блок впервые появился в отечественном таможенном законодательстве в качестве самостоятельного раздела (главы) Таможенного кодекса РФ 2003 года на основе положений Киотской конвенции в период активной фазы переговорного процесса по вступлению России во Всемирную торговую организацию и явился весьма прогрессивной новеллой того периода. Использование управления рисками (или риск-ориентированного подхода) в иных видах государственного контроля и надзора в России начинается с 2015 года, когда были внесены изменения в Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального кон-

троля»⁴, он был дополнен статьей 8.1 «Применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора)».

Кроме хронологического расхождения во внедрении управления рисками в централизованной сфере контроля и надзора и в осуществлении таможенного контроля как разновидности децентрализованной сферы следует отметить различное содержание понятия риска в регулировании в этих сферах. Таможенное законодательство содержит ограниченное понимание риска (таможенного риска), которое учитывает только фактор вероятности наступления нежелательного события. Согласно статье 376 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенный риск (риск) – это вероятность несоблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании⁵.

При этом ч. 2 статьи 22 Федерального закона № 248-ФЗ под риском причинения вреда (ущерба) понимает вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям. Представляется, что применительно к всем видам государственного контроля и надзора должно применяться идентичное понимание риска, включающее не только фактор вероятности, но фактор тяжести причинения вреда (ущерба) охраняемым законом в определенной сфере отношений ценностям⁶.

2. Отдельные процедурные принципы контрольно-надзорной деятельности по-разному трактуются в различных сферах контроля и надзора. Одним из таких принципов выступает, на наш взгляд, принцип недействительности результатов контрольного (надзорного) мероприятия, проведенного с грубым нарушением требований к организации и осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля (ч. 1 статьи 91 Федерального закона № 248-ФЗ). Подобное положение отсутствует в регламентации таможенных проверок как на уровне ЕАЭС, так и на уровне законодательства РФ. При этом подобное положение присутствует в законодательстве Республики Казахстан (в соответствии с Законом РК от 05.01.2021 № 407-VI Кодекс РК был дополнен статьей 416-1, посвященной этому принципу)⁷.

Таким образом, в части признания недействительными результатов контрольного (надзорного) мероприятия положения норм, регулирующих проведение контроля и надзора

в централизованной и децентрализованной сферах, различаются.

3. Другие различия в регуляции рассматриваемых сфер можно наблюдать при оценке правового регулирования и практики реализации такого инструмента контроля и надзора, как мониторинг.

В положениях Федерального закона № 248-ФЗ понятие мониторинга используется в нескольких разных смыслах. Во-первых, законодатель упоминает о мониторинге безопасности (наблюдение за соблюдением обязательных требований) (например, в ст. 74). Во-вторых, среди контрольных (надзорных) мероприятий выделена мониторинговая закупка (статья 68). В-третьих, в Федеральном законе № 248-ФЗ используется понятие постоянного мониторинга (сбора, обработки, анализа и учета) сведений, используемых для оценки и управления рисками причинения вреда (ущерба) (например, в ч. 4 ст. 20).

В-четвертых, мониторинг позиционируется законодателем в качестве специального режима государственного контроля (надзора). Под ним понимается режим дистанционного государственного контроля (надзора), заключающийся в целенаправленном, постоянном (систематическом, регулярном, непрерывном), опосредованном получении и анализе информации о деятельности граждан и организаций, об объектах контроля с использованием систем (методов) дистанционного контроля, в том числе с применением специальных технических средств, имеющих функции фотосъемки, аудио- и видеозаписи, измерения, должностными лицами контрольного (надзорного) органа в целях предотвращения причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ч. 1 статьи 96). Мониторинг как специальный режим включает в себя обязательный мониторинг.

В Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) налоговый мониторинг определен как форма налогового контроля (Раздел V.2 «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга» НК РФ вступил в силу с 1 января 2015 года⁸). Интересно, что налоговый мониторинг относится ведущими специалистами также к новым механизмам досудебного урегулирования налоговых споров⁹.

Позже институт мониторинга внедряется в таможенную сферу, в связи с чем отдельные авторы справедливо говорят о трансляции опыта использования мониторинга в налоговой сфере на таможенную¹⁰.

Таможенный мониторинг впервые упоминается в Стратегии развития таможенной службы

Российской Федерации до 2030 года в качестве инструмента таможенного контроля¹¹. Нами обращалось внимание на определенные административно-правовые особенности данного инструмента таможенного контроля, который отнесен нами к мерам, обеспечивающим проведение таможенного контроля¹².

Таможенный мониторинг используется в настоящее время в экспериментальном режиме, регламентированном на уровне подзаконных нормативных правовых актов¹³, и в действующем таможенном законодательстве не упоминается. С 3 апреля 2023 г. по 1 ноября 2024 г. на территории Российской Федерации проводится эксперимент по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров (таможенный мониторинг).

Специалисты в области финансового контроля относят мониторинг к одной из форм контроля и полагают, что в ней заложены значительные возможности¹⁴. В отношении таможенного мониторинга отметим, что он схож с налоговым мониторингом и основан на цифровизации контроля, добровольности и открытости, причем открытости не только государственного органа (говорить о которой более традиционно), но и самого подконтрольного лица, предоставляющего доступ к базам данных своей налоговой и бухгалтерской отчетности.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в рассмотренных нами трех сферах контрольно-надзорных отношений (сфера централизованная, сферы децентрализованные на примере налогового и таможенного контроля) категория мониторинга трактуется по-разному, что в конечном итоге не способствует системности и единообразию в регулировании государственного контроля и надзора.

4. Считаем возможным сравнить еще один аспект, регулирование которого различается в отдельных децентрализованных сферах контрольно-надзорных отношений. Речь идет о сферах таможенного и налогового контроля, имеющих важное значение в обеспечении пополнения бюджета и финансовой безопасности государства. Актуальная судебная практика выявила некоторые проблемные вопросы защиты права подконтрольного лица на знакомство с материалами таможенной проверки. Таможенными органами, Министерством финансов РФ и в ряде случаев судебными органами отдельные положения Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регули-

ровании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 289-ФЗ¹⁵) трактовались не в пользу подконтрольного лица, что в конечном итоге могло ущемить его законные права в рамках проверочного мероприятия.

Полагаем, что данный факт выступает наглядным примером административного усмотрения при таможенных проверках. Об этом свидетельствует судебная практика, связанная с защитой права подконтрольного лица знакомиться с материалами таможенной проверки. Подконтрольное лицо в ответ на заявление с просьбой ознакомиться с материалами камеральной таможенной проверки, проведенной в отношении него, по результатам которой таможенным органом был принят ряд решений о корректировке (увеличении) таможенной стоимости импортированных обществом товаров, получило письмо таможенного органа, в котором сообщалось о недопустимости осуществлять выписки из них, снимать копии (в том числе фотокопии)¹⁶. Таким образом, усмотрение таможенного органа в данном случае выразилось в подобной трактовке положений пункта 2 статьи 235 Федерального закона № 289-ФЗ. Ведомственная позиция была поддержана (практически совпала с ним) Министерством финансов РФ¹⁷, а также судами апелляционной и кассационной инстанций. Лишь обращение подконтрольного лица в Конституционный Суд РФ позволило ему защитить свое право на ознакомление с материалами таможенной проверки.

Конституционный Суд РФ постановил признать пункт 2 статьи 235 Федерального закона 289-ФЗ не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 24 (часть 2), 29 (часть 4), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он не обеспечивает права проверяемого лица (его представителя) в ходе ознакомления с материалами таможенной проверки осуществлять из них выписки и (или) использовать технические средства, предназначенные для их копирования (фотографирования), – в части, в которой данные материалы не содержат государственной или иной охраняемой законом тайны, – и в связи с этим допускает в правоприменительной практике отказ проверяемому лицу (его представителю) в осуществлении такого права¹⁸.

При обосновании своей правовой позиции Конституционный Суд РФ закономерно срав-

нил сферы таможенного и налогового контроля. По мнению Конституционного Суда РФ, учитывая определенное сходство как в предмете таможенного и налогового законодательства (отношения, возникающие по поводу уплаты фискальных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации), так и в методе правового регулирования (отношения власти-подчинения между уполномоченным государственным органом и плательщиком), подход законодателя к регламентации отдельных институтов этих отраслей – в частности, мер таможенного (налогового) контроля – не должен быть различным в отсутствие разумных к тому оснований. Иное подрывало бы принципы правовой определенности и правового равенства, вытекающие из признания Российской Федерации правовым государством¹⁹.

Конституционный Суд Российской Федерации также не может не учитывать принципиально иного подхода, чем в настоящем деле, к порядку ознакомления с материалами налоговой проверки, избранного федеральным законодателем. Согласно пункту 2 статьи 101 НК РФ ознакомление с материалами налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля осуществляется путем как их визуального осмотра, так и изготовления выписок, снятия копий; по окончании ознакомления составляется протокол в соответствии со статьей 99 данного Кодекса²⁰, подписываемый представителем проверяемого лица, в котором указываются, в числе прочего, способы ознакомления и примененные технические средства (приказ ФНС России от 7 ноября 2018 года № ММВ-7-2/628@), что позволяет избежать возникновения споров относительно ограничения права лица на такое ознакомление²¹.

По НК РФ ознакомление с материалами налоговой проверки осуществляется путем их визуального осмотра, изготовления выписок, снятия копий (п. 2 ст. 101 НК РФ), а по окончании составляется протокол. Аналогичный порядок должен быть установлен и в Федеральном законе № 289-ФЗ.

Таким образом, нами выявлено четыре аспекта существенных различий в правовом регулировании государственного контроля и надзора в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорных отношений. Полагаем, что перечень подобных различий можно дополнить. Но даже выявленных факторов вполне достаточно для вывода о том, что регулятор совершенствует нормативно-правовое регулирование в различных областях общественных отношений

непоследовательно, без системного и комплексного подходов, без сопряжения базовых принципов контроля и надзора в различных областях социального взаимодействия.

Все это несколько нивелирует результаты реформирования государственного контроля и надзора в стране, размывает цели и приоритеты подобного реформирования и в конечном итоге снижает эффективность контроля и надзора как универсальных способов обеспечения законности и государственной дисциплины в публичном управлении.

Библиографический список

1. Агамагомедова С.А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения / С.А. Агамагомедова // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 4. С. 460–470.

2. Агамагомедова С.А. Таможенный мониторинг: административно-правовая характеристика / С.А. Агамагомедова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 63–70.

3. Запольский С.В., Васянина Е.Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование / С.В. Запольский, Е.Л. Васянина // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–12.

4. Зимакова Л.А., Костякова Ю.В., Дорохова Е.И. Трансляция опыта проведения налогового мониторинга на таможенную сферу (таможенный мониторинг) / Л.А. Зимакова, Ю.В. Костякова, Е.И. Дорохова // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 4 (57). С. 103–116.

5. Мишустин М.В. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход / М.В. Мишустин // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 8–27.

6. Новые подходы внесудебного и судебного разрешения административных дел в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорных отношений: Сборник статей. М.: РГУП, 2021. 168 с.

7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaunion.org/> (дата обращения: 26.06.2013).

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

9. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государ-

ственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

10. Федеральный закон от 04.11.2014 № 348-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 45. Ст. 6158.

11. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.

12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

13. Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 50 (Часть III). Ст. 8792.

14. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 года № 123-VI ЗРК «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000123> (дата обращения: 26.06.2023).

15. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.

16. Постановление Правительства РФ от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 9. Ст. 1476.

17. Письмо Минфина России от 05.12.2019 № 03-10-11/94616 [Электронный ресурс] // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

18. Письмо Минфина России от 31.10.2019 № 03-10-12/84139 [Электронный ресурс] // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАТ» // Российская газета. 2023. № 105.

¹ Новые подходы внесудебного и судебного разрешения административных дел в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорных отношений: Сборник статей. М.: РГУП, 2021. 168 с.

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

³ Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50 (Часть III). Ст. 8792.

⁴ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

⁵ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaunion.org/> (дата обращения: 26.06.2013).

⁶ Агамагомедова С.А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 4. С. 460–470.

⁷ Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 года № 123-VI ЗРК «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000123> (дата обращения: 26.06.2023).

⁸ Федеральный закон от 04.11.2014 № 348-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 45. Ст. 6158.

⁹ Мишустин М.В. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 8–27.

¹⁰ Зимакова Л.А., Костякова Ю.В., Дорохова Е.И. Трансляция опыта проведения налогового мониторинга на таможенную сферу (таможенный мониторинг) // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 4 (57). С. 103–116.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.

¹² Агамагомедова С.А. Таможенный мониторинг: административно-правовая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 63–70.

¹³ Постановление Правительства РФ от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров» // СЗ РФ. 2023. № 9. Ст. 1476.

¹⁴ Запольский С.В., Васянина Е.Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 6.

¹⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАТ» // Российская газета. 2023. № 105.

¹⁷ Письмо Минфина России от 05.12.2019 № 03-10-11/94616; Письмо Минфина России от 31.10.2019 № 03-10-12/84139 [Электронный ресурс] // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАТ» // Российская газета. 2023. № 105.

¹⁹ Там же.

²⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАТ» // Российская газета. 2023. № 105.

PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN REGULATION IN CENTRALIZED AND DECENTRALIZED SPHERES OF CONTROL AND SUPERVISORY RELATIONS

S.A. Agamagomedova

Senior researcher of the Administrative Law and Administrative Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

A comparative legal analysis of the legal regulation of centralized and decentralized spheres of control and supervisory relations was conducted. Significant differences, as well as an imbalance in the legal regulation of these spheres, were revealed.

Keywords: state control (supervision), control and supervisory relations, legal regulation, centralized and decentralized spheres.